

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№32 (6236) (2009-08-05)

Скудная идея – жалкие плоды

Почему вредная концепция неолиберализма завоевала полмира и как с этим справиться

Гжегож В. Колодко дважды был вице-премьером, министром финансов Польши. Он сыграл важную роль в преобразовании экономики страны, прекрасно разбирается в проблемах мировой экономики, знает работу её институтов изнутри. И прежде всего он специалист в области рыночной трансформации постсоциалистических стран. Как экономист, он хорошо понимает суть экономических процессов. Как государственный деятель знает, как принимаются политические решения, кардинально меняющие наши жизни. И какой ценой оплачиваются эти перемены.

В Польше книга имела триумфальный успех.

Колодко Гжегож В. Мир в движении. Экономический бестселлер. – М.: Магистр, 2009. – 575 с.

Скудные идеи приносят скудные плоды даже в хорошее время.

Мир выглядел бы значительно лучше, он был бы более развитым и менее неравновесным, но прежде всего – с более светлыми перспективами на будущее, если бы не мощная волна неолиберализма, прокатившаяся по последнему поколению. Как такое вообще могло случиться, что экономическая и политическая концепция, которая за счёт столь многих служит столь немногим, смогла выйти на такие позиции (в мире) и обрести такую силу? Неужели опять стечение обстоятельств, оказавшееся для одних счастливым, а для других не слишком? Оно самое.

Неолиберальное течение в экономической науке, провозглашающее абсолютное превосходство свободного рынка и частного предпринимательства над правительством и социальной политикой, быстро воплощалось в неолиберальную политику, ограничивающую роль государства в экономике. Одно подкрепляло другое. Особенно в англосаксонских странах. Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану удалось превратить то, что раньше было только одной из в общем-то сильных идеологий и интеллектуальных течений, в главное политическое течение.

Находясь в начале 90-х годов в качестве эксперта в Международном валютном фонде, я имел возможность увидеть вблизи, как этот образ мысли одерживал там победу, а также как действовал механизм его перетекания в другие части света. Потому что Вашингтон получил подарок. Пала социалистическая система, распался Советский Союз. Это не только полностью и окончательно – если не считать Кубу и Северную Корею – скомпрометировало идею практики управляемого из Центра социалистического хозяйства, базирующегося на господстве госсобственности, но удивительным для всех образом увеличило очередь взыскующих помощи советом и деньгами. За исключением Китая, которому «не удалось» рухнуть, что имело далеко идущие последствия для всего мирового хозяйства.

На сцену выходят постсоциалистические страны. Сначала несколько, потом более десяти, потом более тридцати. А там, на Западе, для них ничего не припасено. Кроме малопригодного в этой ситуации собственного опыта высокоразвитой рыночной экономики.

Ни для кого не является тайной, что с точки зрения стратегических интересов и глобальных гегемонистских амбиций США было на руку дальнейшее ослабление Советского Союза. Великобритания по обоим этим вопросам оставалась верным и заинтересованным союзником. А здесь вдруг появляется не только возможность ослабления «империи зла», если прибегнуть к определению Рональда Рейгана, но и нечто совершенно немыслимое – падение Советского Союза.

Заметим, что Советский Союз при определённом стечении обстоятельств мог бы ещё какое-то время просуществовать. Впрочем, в то время почти все так и думали. Изумление было всеобщим. Поразительно, как по-разному выглядят гипотетические сценарии возможного развития событий, типа что бы было, если бы...

Когда я спросил Фрэнсиса Фукуяму, обращается ли он к альтернативной истории и рассматривает ли другой, гипотетический ход процессов, то в отношении СССР он сказал, что очень даже (в смысле да). Он представляет себе, что это образование могло бы просуществовать ещё какое-то время, если бы кто-то из консервативных советских коммунистических лидеров – Юрий Андропов (ум.1984) или Константин Черненко (ум.1985) – пожил бы дольше.

Это интересно, потому что мои мысли шли в противоположном направлении, а именно: Советский Союз мог бы просуществовать дольше, если бы Михаил Горбачёв пришёл лет на десять раньше. Когда в конце минувшего десятилетия, через несколько лет после падения СССР, я спросил Горбачёва – великого государственного деятеля, которому мир кое-чем обязан, – считает ли он, что Советский Союз просуществовал бы ещё, если бы Борис Ельцин принял от него в начале десятилетия руководство коммунистической партией и управление страной, он без тени колебаний сказал, что, несомненно, да. Возможно. Но Советский Союз распался ещё и потому, что это был единственный и эффективный, как потом оказалось, способ перехода власти в России. Ельцину прежде всего было важно править, а как править – вопрос второстепенный.

Есть великая страна – Россия, у которой особый опыт общения с неолиберализмом. Ужасно, что не столько из-за наследия советского времени, сколько вследствие ошибочной политики 90-х в течение десятилетия падало производство и упало в сумме примерно на 60%! Нечто неслыханное в мирное время. И поразительно, что это восхваляется адвокатами неолиберализма на Востоке и на Западе и преподносится как достижение. Психологически, что легко понять, потому что как разные экономисты – учёные, аналитики, советники, – так и политики тех лет пытаются таким манером выйти из затруднительного положения, сохранив лицо. На это надо взглянуть в более широком контексте, по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, неолиберализм – это идеология и экономическая программа, которая имеет свой конкретный план действий. В сущности, под прикрытием прекрасных лозунгов – от свободы через демократию к предпринимательству – он превратился в инструмент, служащий не только принуждению к эффективности хозяйственной деятельности, но перераспределению доходов в пользу элит за счёт большинства.

Во-вторых, неолиберализм используется как способ грабежа в гигантских масштабах. Потому что такое перераспределение национального богатства, какое имело место в России, редко случается в истории. Разумеется, никто в здравом уме не станет выступать с утверждениями, что по своей природе неолиберализм – это инструмент грабежа и воровства. Дело в том, что в

условиях слабости экономических институтов он делает такое возможным. Именно так было в России. И точно так же могло быть и в Китае.

Так, воспользовавшись случаем проведения неолиберальной политики в России, кое-кто очень неплохо устроился и провернул левые дела. Это признаёт даже Збигнев Бжезинский, влиятельный политолог, а в своё время советник президента США Джимми Картера. Он заметил – ставя нужные слова в кавычки, – что стая (англ. swarm) западных, главным образом американских, «консультантов», часто входивших в сговор с российскими «реформаторами», быстро обогатилась в ходе «приватизации» российской промышленности, особенно энергетических активов.

Мне известно, что предостережения об этом доходили до верхов политического истеблишмента в Вашингтоне, но ими пренебрегли. Не только в аналитических разработках и научных работах о «воровской» приватизации, но и об участии в этом предприятии американских партнёров и о терпимости к этой гнусной практике, проявляемой властями США. Но какофония неолиберальной пропаганды и в ещё большей степени нажим со стороны делающих громадные деньги заинтересованных групп успешно заглушали эти голоса.

Высшие чиновники американской администрации, в том числе и чиновники Белого дома, были своевременно предупреждены о патологиях российско-американского неолиберализма и о его пагубных последствиях. Фриц Эрмат (Fritz M. Earmath), высокопоставленный сотрудник ЦРУ в отставке, рассказал мне во время конференции, организованной в Вашингтоне летом 1999 г. фондом Джеймстаун, что один из важных предупреждающих рапортов вернулся с резолюцией вице-президента: Bullshit! (англ. «чушь»).

Заметьте, в конференции той участвовал Збигнев Бжезинский (и Ян Новак-Езёранский), который также критиковал неафишируемые взаимные симпатии американского истеблишмента и коррумпированных российских политиков.

Почему недостойные эксцессы в таких громадных масштабах имели место в России, а, например, в Польше до этого не дошло? Не только по той причине, что во втором случае политика структурных реформ была гораздо более эффективно реализована, особенно в середине прошлого десятилетия. Но главным образом потому, что в России было – и остаётся – гораздо больше ресурсов для разграбления и присвоения. Неолиберальный курс, соединённый со страшной суматохой, замечательно облегчал это. Единственное в своём роде российско-американское «государственно-частное партнёрство» попало в свою стихию.

Фриц Эрмат писал мне осенью 1999 г.: «Богатство, какое можно сколотить и вывезти из России, столь огромно, что притягивает – подобно тому, как силы гравитации притягивают большие тела – больших западных игроков. Быть может, Польша оказалась в более выгодном положении не только из-за более благоприятных стартовых условий и лучшей политики, но и потому, что не столь богата ресурсами, которые можно разграбить».

При этом у него не было и до сих пор нет сомнений (потому что трудно сомневаться, не так ли?), что правда о российской трансформации была известна тем, кто в США должен её знать. Он говорил, что «...весь головной эшелон нашей администрации очень хорошо знал истинную ситуацию в России. Обязаны были знать – по крайней мере с 1997 г., что рынок ГКО использовался российскими официальными лицами и всеми прочими спекулянтами как инструмент разграбления российского бюджета и денег МВФ. Как ты считаешь, о чём разговаривали Тальбот, Саммерс, Липтон, Чубайс и Березовский, когда встретились в июле 1998 г.?»

Приходится согласиться, что мы имели дело не просто с неолиберальной глупостью, а с преступностью. И надо добавить – со сверхорганизованной. Эрмат сделал вывод, что «...необходимо видеть иную сторону дела: не столько глупость, сколько преступность. Из разных достоверных российских источников совершенно явно следует, что ГКО, поглотившие такой огромный объём общественных средств в 1997–1998 гг., не были проявлением гипертрофированной безответственности или рискованным способом поиска денег для бюджета, а были инструментом, с помощью которого правительственные чины, бонзы Центробанка и спекулянты (российские и западные) умышленно грабили бюджет.

Людам надо постоянно напоминать правду о безумии МВФ в России».

Когда восемь лет спустя, осенью 2007 г., работая над этой книгой, я попросил разрешения использовать фрагменты нашей переписки, Эрмат согласился без колебаний; конечно, да, поскольку с тех пор он ещё больше укрепился во мнении о правильности своих оценок. И добавил: «Американские политические и бизнес-интересы были вовлечены в российскую коррупцию и воровство с самого начала. И это продолжается по сей день».

В текущем десятилетии Россия пытается на свой манер сочетать свою политику системных изменений с политикой развития, не лишаясь при этом ни слишком быстро, ни слишком дёшево национальных природных богатств. Она хочет также в меру выгодно разыграть своё вхождение в мировую экономическую игру и сама как можно более выгодно использовать глобализацию, а не отдавать такую возможность другим. Она не позволила сделать из себя очередной «формирующийся рынок», теряющий по этому случаю экономическую суверенность и подставляющий себя под мощное давление транснационального капитала.

То, что для Запада нормально, не обязательно будет иметь такую же оценку в России. И наоборот. Прежде всего в России оценивается действительность холодно и конкретно, «с точки зрения несчастья, вызванного экономической либерализацией и приватизацией 90-х годов». Во всяком случае, так поступает значительная часть общества и политических элит, а также многие экономисты, которые не скупилась на критику ошибок 90-х годов и совершенно не трактовали выбранную тогда дорогу как нечто нормальное.

Ненормальные времена насильственной демократизации и введения рынка а la russe – это не то же самое, что нормальная демократизация и рынок в западном понимании.

Миссионеры и застрельщики неолиберальной идеологии продолжают отказываться признать российскую экономику рыночной, а государство – демократическим. Несколько менее принципиально они поступают в отношении Китая, потому что он их уже привёл в порядок. Они ведут себя как испанские конкистадоры XVI в., которые решали для себя вопрос, можно ли считать людьми встреченных ими аборигенов, имеют ли они душу или им можно сразу отсечь голову и не заморачиваться тем, чтобы наставить их на путь истинный... Но, как говорит пословица, «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним».

Кто будет смеяться последним, мы не знаем, потому что история продолжается и роли ещё не раз сменятся. Но наверняка это будут не неолибералы. Ни ортодоксальные с Запада, ни наивные с Востока, которым казалось, что таким образом они быстрее станут Западом. Ибо с чего им смеяться...

Поэтому можно ожидать, что всё больше формирующихся экономик – из неокOLONиализма, из этатизма, из социализма, из изоляционизма – будут искать собственные рецепты.